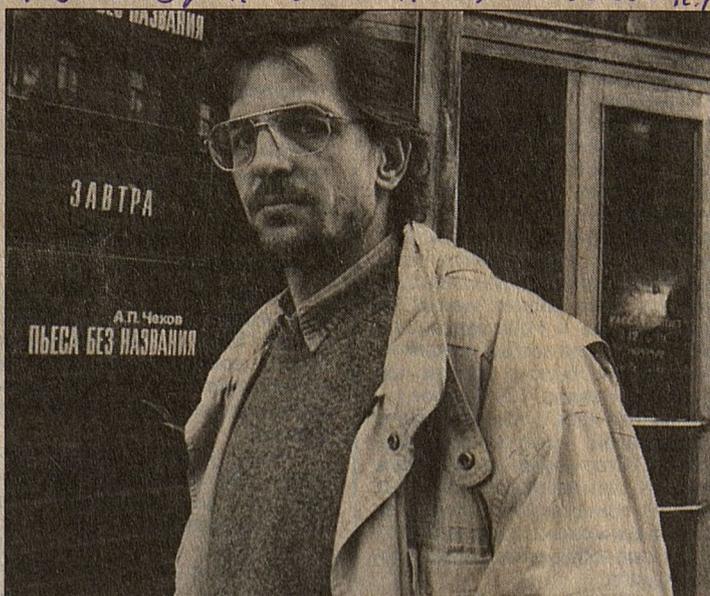

СЕРГЕЙ КУРЫШЕВ:

Я ем свое пирожное и не хочу делиться

Квартура - 2004 - 7 июля 04

Сегодня спектаклем "Пьеса без названия" ("Платонов") завершаются гастроли Санкт-Петербургского Малого драматического театра. Заглавную роль в нем играет один из ведущих артистов этой труппы Сергей КУРЫШЕВ. Курьшев принадлежит к числу актеров, способных приковывать внимание своим появлением на сцене: Тригорин в "Чайке", большой души неудачник Фрэнк в "Молли Суини", сломленный Войницкий в "Дяде Ване" (за эту роль он стал лауреатом "Золотой Маски" в нынешнем году.) Герои Курьшева всегда убедительны в своей правоте, какие бы мысли и поступки ни вели их по жизни.

С. Курьшев

— Сергей Владимирович, про МДТ часто говорят, что это не просто театр-дом, но некая каста, замкнутая сама на себя: так ли это по взгляду изнутри?

— Я бы все-таки говорил о своем театре как о доме, о семье. Каста — это что-то избранное, для кого-то недоступное. А театр все-таки допускает в себя посторонних людей: зрителей, например.

— Но допускает до определенно-го предела.

— До какого? Допускать или не допускать на репетиции — это желание режиссера. А куда еще допускать?

— В атмосферу. Ведь есть люди, которые пришли и остались, а есть те, кто больше никогда не придет.

— Если имеется в виду зритель, то он приходит на спектакль и получает некое впечатление, положительное или отрицательное. Этого достаточно.

— А если имеется в виду актер?

— Конечно, не каждый способен остаться здесь. Это зависит и от того, насколько человек нужен режиссеру, поскольку все решает художественный руководитель, а не кто попало. Некоторые уходят. Некоторые не остаются навсегда, а уходят спустя много лет работы. Ведь и в семье всякое может случиться. Но все здесь — мои "родители", "братья и сестры", даже "дети". И любовь у нас семейная, и проблемы семейные — они бывают сложные, но мы не отторжены от людей. Тех, кто нас любит, во всяком случае.

Театр не должен быть замкнут на себя. Тогда это уже не театр, а место для осуществления неких экспериментов. И зритель здесь не нужен.

— Вот вы говорите, что ваш театр — не каста, потому что каста — это место для избранных. Но мне кажется, что МДТ как раз "театр избранных", потому что здесь нет ни одного случайного лица и ни одного случайного спектакля.

— Случайных лиц нет, потому что в коллектив идет тщательный отбор, которым занимаются и худсовет, и директорат, и педагоги, и режиссеры. Это очень серьезный процесс. Вообще, если в каком-то театре появляются случайные люди, то я не понимаю руководство этого театра. Тем более при такой жестокой материальной ситуации, которая сейчас практически везде. У нас, к примеру, нет таких средств, чтобы это случайное растить, оплачивать и содержать.

— О Додине можно сказать, что этот режиссер вас "сделал"?

— Безусловно. Я ведь и в институте у него учился, и Додин для меня — учитель во всем.

— Он повлиял на ваше мировоззрение?

— Конечно. В первую очередь репертуаром, своей позицией по отношению к театру, к коллективу. Ведь девятнадцать лет знакомства даром не проходят. Когда я пришел в театральный институт, мне было двадцать два — это еще возраст, когда в человеке что-то можно изменить. Надеюсь, что со мной это происходило.

— Существует мнение, что Додин — тиран. Это так?

— Бывали очень жесткие разговоры, бывали очень жесткие репетиции, но у любого нормального режиссера это случается. А если репетиции длятся по многу часов в день или по несколько лет, то это не означает тирании. Да, Додин держит театр в своих руках, руководит им. Конечно, это в каком-то смысле диктат, но он необходим. У Товстоногова был театр, потому что он сам был личностью. Таганка — театр Любимова, потому что он держал свою замечательную ком-

панию. Хороший театр и в двадцатом веке, и в начале века нынешнего — это все-таки театр режиссерский, а не театр коллективных собраний, обсуждений, долгих споров и болтовни. Должен быть ведущий. Со Львом Абрамовичем я знаком с 85-го года — и до сих пор жив. И если я не был бы нужен театру, меня бы здесь не было.

— С этим не поспоришь — вы необходимо лицо.

— Таких лиц очень много в театре. Потому что, скажем, в массовой сцене очень заметно, когда человек играет плохо. Пример — "Братья и сестры". Об этом спектакле я могу говорить объективно, потому что роль у меня там маленькая, и я многое вижу со стороны. Посмотрите любой массовый эпизод: на сцене двадцать — двадцать пять человек, и за каждым интересно наблюдать.

— Но, скажем, в "Чевенгуре" А.Платонова происходит совсем другое — там шокирует именно стертость лиц актеров, сведенных в некую биомассу.

— Я с этим не согласен. Конечно, это компания, которая добивается одной цели, которая всегда вместе и сгруппирована так, что создается единое существо. Но тем не менее за два с лишним часа разве вы не запоминаете женщину с ребенком? Или кого-то еще? Нет, на мой взгляд, там хорошо видно актеров. Я слышал эту точку зрения по поводу биомассы, по поводу марionеток, которыми руководит режиссер, — не только насчет "Чевенгура", но и насчет "Клаустрофобии". Но считаю, что и там, и там есть замечательные роли, которые тянутся от начала до конца и которые заметны.

Недавно мы были на гастрольях в Италии, а за год до этого показывали там "Чевенгур". Мы встретили возле театра людей, которые здоровались с нами и спрашивали: "Де Достоевский?" (Достоевский — это персонаж из "Чевенгура"). А "Достоевский" на эти гастроли не приехал. Значит, они его запомнили!

— Кстати, Лев Абрамович говорил, что итальянская публика воспринимает спектакли МДТ иначе, чем московская.

— Хорошо воспринимают. Что касается прессы, то я читал несколько очень умных статей о "Дяде Ване". Во-первых, люди внимательно смотрят, а во-вторых — это видно даже в переводе — грамотно излагают свои мысли. Конечно, и у нас есть прекрасные театроведы, которые пишут серьезные аналитические статьи, а не занимаются озвучиванием мнений, витающих над театром. Над театром всегда что-то витает, это проблема многовековая.

— Раз уж вы упомянули "Дядю Ваню", давайте немного поговорим о ваших чеховских героях, которых у вас четыре. Как вы думаете, существует между ними некая общность?

— Они не едины по душевным качествам, но общность, несомненно, есть. В том, что это русские люди, которых Чехов очень хорошо знал. Тут даже возрастная амплитуда интересна: Пете Трофимову и Мише Платонову по двадцать семь, Иванову — где-то тридцать пять, примерно столько же Тригорину, а дяде Ване — сорок семь. Конечно, они чем-то похожи, но возраст, среда обитания, образование разные. К тому же, если бы я не чувствовал в них каких-то своих качеств, то невозможно было бы играть.

— А что в них есть вашего? И в ком вашего больше?

— Да во всех много. Мне так же присуще желание жить. Иногда — желание успеха. Часто — недовольство тем, что происхо-

дит вокруг, и самим собой.

— А вам никогда не было обидно, что роли в "костюмных", к примеру, в шекспировских пьесах пока проходят для вас стороной?

— Всегда хочется играть побольше. Но при этом хотелось бы делать это хорошо. У Льва Додина в театре спектакли не выходят каждый месяц, поэтому не нужно ждать обвала новых ролей. Что касается типажа, то я не знаю, какой он у меня. Вообще подобные разговоры провоцируют сужение диапазона. Типаж — это одно определенное направление, а мне хочется играть разное.

— Возвратимся к Чехову. Ваш Войницкий — талантливый человек?

— Очень неинтересно играть людей неталантливых. Лучше играть тех, до кого нужно дотянуться. Войницкий, безусловно, талантливый человек. К тому же понимающий и умеющий жертвовать всем. Это один из тех людей, на которых держится страна — Россия в данном случае. Я с уважением отношусь к таким людям. Они сливаются, раньше времени погибают, потому что не могут защититься от окружающего мира. Так же происходит и сейчас.

— Почему же тогда Серебряков говорит Войницкому: "Ты ничтожество"?

— Он говорит об этом в определенных обстоятельствах. К тому же в другой ситуации, спустя совсем немного времени, и сценического, и буквального, он извиняется перед дядей Ваней. Извиняется искренне. Случается, что мы можем унижить тех, кого мы уважаем, но что делать — мы такие люди. Это жизнь.

— А что за человек Тригорин? Его всегда трактуют как слабака, да и он сам произносит: "У меня нет своей воли".

— На мой взгляд, Тригорин — замечательный человек и очень талантливый писатель. Даже Треплев это подмечает. А то, что мы говорим о себе — в этом есть доля правды, но это все же разговор о себе и опять же в определенных обстоятельствах. Тригорин не говорит это вначале и не говорит об этом Нине — он говорит об этом фактически самому себе, но в присутствии женщины, которая его очень любит.

— Интересно, а у вас много поклонниц?

— Они, несомненно, есть. Насколько их много — не знаю. Слава Богу, не толпы, это я точно могу сказать. И по отношению к себе я глупостей не замечал. К тому же к нам в театр приходят люди умные. Ведь очевидно, что те, кто смотрит "Бесов" или "Дядю Ваню", — не дураки. Но для бешеной популярности, кроме театральных ролей, нужна какая-то еще известность. Сегодня такую приносит телевидение. У меня этого нет — так получилось.

Я с удовольствием снялся бы в кино. Но пока не случилось. Не знаю почему: то ли я не подхожу, то ли сложилось так. А ведь если, говоря современным языком, ни где не засветился раньше, то со временем это становится труднее и труднее.

— Каждый актер по-разному формулирует для себя, в чем магия актерской профессии. А что она для вас?

— Мне нравится этим заниматься. И благодаря этому театру и этому режиссеру, у меня есть такая возможность. Ведь хорошо, когда тебе нравится сладкое и ты можешь его съесть, не думая о диете. Так вот я ем свое пирожное и не хочу никому его отдавать.

Беседу вела
Алиса НИКОЛЬСКАЯ

125